
Анна Миронова

РОЛЬ ЧАСТНЫХ ТРАНСФЕРТОВ В ПОДДЕРЖКЕ СЕМЕЙ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ДЕТЬМИ КАК ГРУППЫ С ПОВЫШЕННЫМ РИСКОМ БЕДНОСТИ

Сокращение бедности — одна из приоритетных национальных задач современной России. Одним из ключевых факторов, повышающих риск бедности, является наличие несовершеннолетних детей: домохозяйства с детьми составляют основную часть малообеспеченного населения в России. Несмотря на это, вопросам детской бедности и поддержки семей с детьми уделяется недостаточное внимание. В настоящем исследовании анализируются особенности включенности российских домохозяйств с детьми в структуру частных трансфертов, а также оценивается взаимосвязь между объемами частных и социальных трансфертов в зависимости от уровня дохода домохозяйства. Эмпирическая база включает данные Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах (ВНДН–2023), а также материалы Всероссийских переписей населения 2010 и 2020 гг. и микропереписей 1994 и 2015 гг. Результаты исследования показывают, что домохозяйства с несовершеннолетними детьми являются наиболее активными получателями частных трансфертов. При этом характер взаимосвязи между частными и социальными трансфертами различается в зависимости от уровня дохода домохозяйства: в домохозяйствах с низким уровнем дохода зафиксирована отрицательная связь, тогда как в более обеспеченных домохозяйствах она становится положительной.

Ключевые слова: бедность, семьи с детьми, частные трансферты, социальные трансферты, доход домохозяйства

Анна Алексеевна Миронова — к.социол.н., н.с., Центр комплексных исследований социальной политики, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия. Электронная почта: amironova@hse.ru

Цитирование: Миронова А. А. (2025) Роль частных трансфертов в поддержке семей с несовершеннолетними детьми как группы с повышенным риском бедности. *Журнал исследований социальной политики*, 23 (1): 79–98.

DOI: 10.17323/727-0634-2025-23-1-79-98

Сокращение бедности позиционируется как одна из приоритетных национальных задач в современной России (Указ Президента РФ 2024). Среди социально-демографических факторов, повышающих риск бедности, исследователи традиционно выделяют возраст (Соболева и др., 2013; Овчарова 2008а), гендер (Ярошенко 2010), состояние здоровья (Бобков 2005), брачный статус (Лежнина 2014) и тип населенного пункта (Соболева и др. 2013; Овчарова 2008а; Родионова 2000). Особое внимание уделяется размеру и составу домохозяйств (Лежнина 2014), в том числе иждивенческой нагрузке (Малева 1998; Овчарова, Прокофьева 2000). Отмечается, что бедные чаще проживают в крупных домохозяйствах (Лежнина 2014; Слободенюк, Аникин 2018).

Наличие несовершеннолетних детей является одним из ключевых факторов, повышающих риск бедности в России. Это связано с ростом расходов и снижением доходов семьи при рождении детей, что лишь частично компенсируется мерами социальной поддержки. Данная закономерность подтверждается в исследованиях — семьи с детьми имеют самый высокий риск бедности (Овчарова 2005; 2008b; Ovtcharova, Porova 2005; Корчагина, Прокофьева 2023). По данным Росстата, в 2022 г. домохозяйства с несовершеннолетними детьми составляли 75 % от общего числа малоимущих домохозяйств (Росстат 2023а). При этом прослеживается закономерность: чем больше в составе домохозяйства несовершеннолетних детей, тем выше риск бедности (Лежнина 2014). Наличие детей является одним из факторов попадания домохозяйства в ловушку длительной бедности (Малева и др. 2020).

Российские исследования уделяют значительное внимание уровню жизни семей с детьми, в том числе факторам и масштабам их бедности (Ovtcharova, Porova 2005; Синявская 2009; Кучмаева и др. 2012). Изучались источники средств к существованию и уровень жизни неполных семей (Калабихина 1995; Ржаницына 2012), связь между размером домохозяйств, числом детей и уровнем бедности, а также спецификой потребления в бедных семьях (Зверева 2012). Рассматривалась роль занятости родителей как фактора детской бедности (Корчагина, Прокофьева 2023) и специфика социальной поддержки семей с детьми в период пандемии COVID-19 (Корчагина, Прокофьева 2021).

В последние годы усилилась государственная поддержка семей с детьми. Вместо прежнего пособия малообеспеченным семьям с детьми до 18 лет, составлявшего не более 5 % прожиточного минимума (ПМ)

на ребенка, введены выплаты в размере от 0,5 до 1 ПМ в зависимости от возраста ребенка. С января 2023 г. введено ежемесячное пособие в связи с рождением и воспитанием детей, заменившее другие выплаты семьям с детьми и ориентированное на компенсацию дефицита доходов семьи (Корчагина, Прокофьева 2023).

Несмотря на то, что наличие несовершеннолетних детей повышает риск бедности, исследователи указывают на недостаточное внимание к проблеме детской бедности и поддержке семей с детьми в общественном дискурсе (Лежнина 2014). Усиление мер социальной поддержки семей с детьми хоть и способствуют росту их социальной защищенности, однако семьи с детьми по-прежнему остаются одной из наиболее уязвимых групп с самыми высокими рисками бедности (Корчагина, Прокофьева 2023).

Для России характерен низкий уровень доверия к государственным и общественным институтам (Фролова, Рогач 2022), что ограничивает готовность населения полагаться на их помощь в преодолении бедности и жизненных трудностей. При этом государственные меры поддержки часто основываются на формальной оценке критериев нуждаемости, которая, в силу несовершенства информации, может приводить к неэффективному перераспределению ресурсов (Mironova, Shenshina 2021). В отличие от социальных, частные трансферты, как правило, опираются на более точные сведения о потребностях получателя помощи (Cordes et al. 1986). В этой связи одним из важных источников помощи в решении финансовых и других проблем является неформальная родственная поддержка, которая выполняет компенсаторную функцию в условиях несовершенства социальных институтов (Реутов и др. 2011: 80).

Родственные связи представляют собой уникальный ресурс социальной поддержки. В отличие от других социальных опор (друзей, знакомых, соседей), они зачастую обладают большей надежностью, гибкостью и долговременным характером. Хотя не существует формализованных норм, обязывающих родственников помогать друг другу, помощь часто оказывается даже вопреки желанию, что обусловлено структурной связанностью и нормативной близостью членов родственной группы. Эти свойства делают родственные связи устойчивыми и сохраняющимися даже при отсутствии равноценного обмена в отличие от дружеских отношений, требующих постоянного взаимодействия и взаимности для собственного поддержания (Уэллман 2000: 86).

Для ряда категорий домохозяйств с детьми — в том числе неполных и полных семей с одним или двумя детьми — на начало 2000-х гг. денежная помощь родственников оценивалась как более значимый источник поддержки, чем государственная помощь (Овчарова 2008б). Родственная поддержка рассматривается как ключевой ресурс, обеспечивающий жизнестойкость семей с детьми, находящихся в трудной жизненной ситуации или социально опасном положении. Ее значение проявляется не только

в материальной помощи, но и в поддержке, связанной с обучением, организацией досуга, присмотром за детьми и психологической помощью родителям (Авдеева, Руппель 2019). Отсутствие родственной и дружеской поддержки — как в материальной, так и в нематериальной форме — трактуется как показатель депривации для домохозяйств с детьми (Гришина 2018).

Целью настоящего исследования является анализ включенности российских домохозяйств с детьми в обмен частными материальными трансфертами. Кроме того, рассматривается характер взаимосвязи между объемами частных и социальных трансфертов в зависимости от доходных характеристик домохозяйства. Предполагается, что размер частных трансфертов отрицательно связан с объемом социальных трансфертов, причем характер этой связи варьирует в зависимости от уровня дохода домохозяйства.

Анализ роли частных трансфертов в преодолении финансовых трудностей домохозяйств с детьми, а также взаимосвязи между частными и социальными трансфертами позволяет глубже понять структуру реальной поддержки таких домохозяйств. Полученные результаты могут быть полезны для планирования и корректировки мер социальной политики в отношении семей с детьми как группы с одним из самых высоких рисков бедности.

Методика исследования

Данные. Для анализа демографических тенденций, включая изменения в структуре семейных домохозяйств и домохозяйств с несовершеннолетними детьми, использованы данные Всероссийских переписей населения 2010 и 2020 гг., а также микропереписей 1994 и 2015 гг.

Анализ участия домохозяйств с детьми в получении частных трансфертов основан на данных Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах (ВНДН) за 2023 г. Исследование охватывает 60 тыс. домохозяйств и обеспечивает представительность результатов по стране в целом, по типу населенных пунктов и социально-демографическим группам. Целью наблюдения является получение информации о структуре доходов, уровне бедности, участии в социальных программах и влиянии мер поддержки на материальное положение домохозяйств (Росстат 2023 b).

Под частными трансфертами понимаются денежные поступления в бюджет домохозяйства от частных лиц и негосударственных организаций. Их ключевая особенность — неформальный характер: они передаются вне контроля государства, за исключением случаев передачи особо крупных сумм или имущества. Как показывают исследования, несмотря на существующее разнообразие возможных каналов передачи частных трансфертов, основная их часть перераспределяется между родственниками, преимущественно в межпоколенческой плоскости (Барсукова 2005; Миронова 2014).

Под социальными трансфертами в данном исследовании понимаются полученные домохозяйством денежные выплаты от государства. В отличие от частных трансфертов, они распределяются через формализованные каналы, находящиеся под контролем государства.

На первом этапе исследования проведен анализ тенденций в демографической структуре семейных домохозяйств, а также рассмотрены характеристики включенности домохозяйств с детьми (по типам) в обмен частными трансфертами. В частности, анализировались масштабы вовлеченности в получение частных трансфертов, субъектный состав доноров, а также наиболее типичные формы помощи, направляемой в адрес домохозяйств с детьми.

На втором этапе изучалась взаимосвязь между государственными и частными трансфертами для домохозяйств с детьми. Проверялась гипотеза о том, что объем частных трансфертов отрицательно связан с объемом социальных выплат, при этом характер этой связи варьирует в зависимости от уровня дохода домохозяйства (как по силе, так и по направлению). Для проверки гипотезы применялся регрессионный анализ с учетом роли модератора.

Модель. На рис. 1 представлена концептуальная схема, лежащая в основе данного исследования.

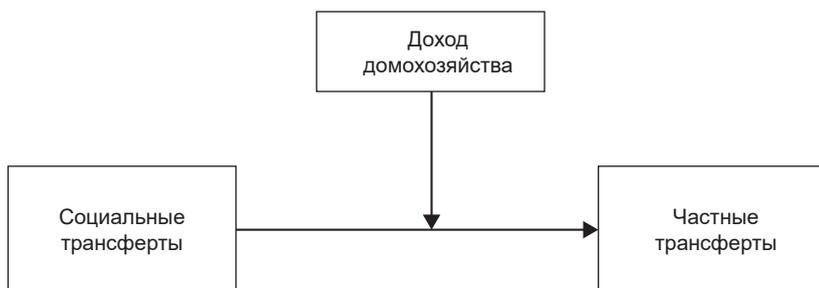

Рис. 1. Базовая концептуальная схема исследования

В аналитическую модель включены следующие переменные. В качестве зависимой переменной рассматривался размер получаемых частных трансфертов, определяемый как совокупность денежных и натуральных (в денежном выражении) поступлений от частных лиц и организаций. Среди независимых переменных учитывался размер получаемых социальных трансфертов, включающий все социальные выплаты в денежной форме, а также социальные льготы, полученные в натуральной форме (в денежном выражении). Другой ключевой переменной выступал уровень дохода домохозяйства.

Для целей анализа все домохозяйства распределены на четыре доходные группы в соответствии с уровнем среднедушевого дохода на основе квартильного разбиения. Первая группа включала домохозяйства с очень

низким доходом (менее 22 394 руб. на человека), вторая — с доходом ниже среднего (от 22 394 до 32 295 руб.), третья — со средним доходом (от 32 295 до 48 558 руб.), четвертая — с доходом выше среднего (больше 48 558 руб.).

Разбивка по доходным группам осуществлялась на основе квартильного разбиения, при котором выборка домохозяйств делилась на четыре равные по численности группы в зависимости от уровня среднедушевого дохода.

Обработка данных. Статистическая обработка проводилась с использованием программного пакета *SPSS 23* и плагина *PROCESS* версии 3.4.1. С помощью регрессионного анализа оценивалась взаимосвязь между объемами частных и социальных трансфертов с учетом роли модератора – дохода домохозяйства. В соответствии с концептуальной схемой исследования, представленной ранее, протестирована связь между размером получаемых частных и социальных трансфертов с учетом модерационного эффекта дохода домохозяйства. Модель рассчитана как для всей совокупности домохозяйств, так и отдельно для домохозяйств с несовершеннолетними детьми. Всего специфицированы две модели.

Результаты эмпирического исследования

Тенденции в демографической структуре семейных домохозяйств

Чтобы выявить масштабы распространения в России различных типов домохозяйств с детьми, а также тенденции в их изменении, проанализирована динамика структуры семейных домохозяйств в разрезе семейных ячеек. За межпереписной период с 1994 по 2015 г. в общей структуре семейных домохозяйств наблюдается тенденция к росту доли супружеских пар без детей (на 12,5%) и сокращению супружеских пар с детьми (на 3,3%) (табл. 1). Внутри последней группы отмечается снижение доли супружеских пар с детьми до 18 лет. В то же время в 2015–2020 гг. сокращалась как доля супружеских пар без детей, так и супружеских пар с детьми на фоне роста доли домохозяйств, состоящих из неполных семей.

Относительно числа детей в домохозяйствах супружеских пар с детьми также наблюдаются определенные закономерности. По сравнению с 1994 г. в 2010 г. в составе домохозяйств, состоящих из супружеских пар с несовершеннолетними детьми, существенно выросла доля домохозяйств с одним ребенком, тогда как доля домохозяйств с двумя и тремя и более детьми сократилась. За межпереписной период с 2010 по 2015 гг., напротив, наблюдался рост доли супружеских пар с двумя и тремя и более несовершеннолетними детьми. Эта тенденция сохранялась и в 2015–2020 гг. (см. табл. 1). Возможной причиной роста домохозяйств с двумя и более детьми является демографическая политика последних лет, включая меры финансовой поддержки, в частности предоставление материнского капитала.

С 1994 по 2020 гг. в структуре семейных домохозяйств заметно выросла доля домохозяйств, состоящих из неполных семей: матерей с детьми — рост в 1,8 раза; и отцов с детьми — рост более, чем в 4 раза (табл. 1). Рост доли неполных, прежде всего материнских, и уменьшение доли полных семей выступали важными тенденциями в изменении демографического состава домохозяйств в 1990-е гг. Эти изменения связаны с рядом факторов, включая высокий уровень разводов, распространенность вдовства (вследствие избыточной смертности мужчин трудоспособного возраста), а также увеличение числа внебрачных рождений (Прокофьева, Миронова 2018).

Таблица 1

Структура семейных домохозяйств по типам семей (%)

<i>Тип семейного домохозяйства</i>	<i>1994</i>	<i>2010</i>	<i>2015</i>	<i>2020</i>
Супружеские пары без детей	22,3	30,5	34,8	31,0
Супружеские пары с детьми	43,1	42,2	39,8	37,3
из них имеющие детей моложе 18 лет	81,7	67,9	74,1	72,2
в том числе:				
с одним ребенком	50,6	61,1	54,9	49,0
с двумя детьми	39,8	31,7	35,3	37,5
с тремя и более детьми	9,6	7,2	9,8	13,5
Матери с детьми	14,8	24,1	22,6	26,0
из них имеющие детей моложе 18 лет	58,1	51,1	51,7	52,7
в том числе:				
с одним ребенком	73,3	80,1	74,3	67,6
с двумя детьми	22,1	16,8	20,9	25,3
с тремя и более детьми	4,6	3,0	4,8	7,1
Отцы с детьми	1,3	3,3	2,8	5,7
из них имеющие детей моложе 18 лет	46,9	48,9	47,3	56,0
в том числе:				
с одним ребенком	77,4	84,0	80,6	73,4
с двумя детьми	18,4	13,7	16,2	21,3
с тремя и более детьми	4,2	2,3	3,2	5,3

Примечание:

Рассчитано автором по данным Всероссийских переписей 2010 и 2020 гг. и микропереписей населения России за 1994 и 2015 гг.;

Данные переписи населения России за 2002 г. на момент написания исследования оказались недоступны в связи с техническими ограничениями сайта Росстата, поэтому не включены в анализ.

Характеристики включенности домохозяйств с детьми в обмен частными трансфертами

Обратимся к результатам оценки вовлеченности домохозяйств разных демографических типов, включая домохозяйства с детьми, в получение частных и социальных трансфертов (табл. 2). Наиболее часто помощь из неформальных источников (частные трансферты) получают домохозяйства с несовершеннолетними детьми, проживающие отдельно от других родственников. Среди выделенных типов домохозяйств чаще всего реципиентами частных трансфертов выступают домохозяйства, состоящие из неполных семей (матери/отцы с несовершеннолетними детьми) (77,3%) и супружеские пары с несовершеннолетними детьми (75,0%). Семьи с детьми, проживающие в составе сложных домохозяйств (совместное проживание с другими родственниками) несколько реже получают частные трансферты, чем отдельно живущие семьи с детьми. Это может быть связано с тем, что в сложных домохозяйствах значительная часть неформальной поддержки осуществляется внутри самого домохозяйства. На примере неполных семей было показано, что уровень бедности среди семей, проживающих в составе сложных домохозяйств, ниже, чем у тех, кто проживает отдельно (Прокофьева, Корчагина 2020). Наименьшая доля получателей частных трансфертов отмечается среди домохозяйств без детей.

Таблица 2

Распределение домохозяйств различных типов по доле получателей частных и социальных трансфертов (%)

Тип домохозяйства	Домохозяйство	
	получало частные трансферты	получало социальные трансферты
Домохозяйство из матери (отца) с ребенком (детьми) без других родственников	77,3	81,93
Домохозяйство из одной супружеской пары с ребенком (детьми) без других родственников	75,0	76,80
Домохозяйство из матери (отца) с ребенком (детьми) с другими родственниками	73,5	94,25
Домохозяйство из одной супружеской пары с ребенком (детьми) с другими родственниками	70,7	90,45
Домохозяйство из двух и более супружеских пар (с детьми или без детей)	45,5	92,00
Домохозяйство из одной супружеской пары без детей и с другими родственниками	29,2	75,30
Прочие домохозяйства	23,8	78,60
Домохозяйства из одного лица	21,4	54,24
Домохозяйство из одной супружеской пары без детей и без других родственников	18,5	59,32

Примечания: 1) Межгрупповые различия статистически значимы на уровне $p < 0,001$ по критерию хи-квадрат (Пирсона). 2) Рассчитано автором по данным ВДН-2023.

Рассмотрим распределение домохозяйств разных типов по формам получаемых частных трансфертов (табл. 3). Домохозяйства с детьми чаще всего получают помощь в виде материальной поддержки (79,5%) и приобретения вещей (50,5%), реже всего — в форме оплаты дополнительного обучения (8,1%) и отдыха (7,3%). По сравнению с домохозяйствами без детей, домохозяйства с детьми значительно чаще получают частные трансферты в виде материальной помощи, покупки вещей и оплаты образовательных услуг. В то же время они реже получают помощь в форме оплаты лечения и организации отдыха.

Таблица 3

Форма получаемых частных трансфертов в зависимости от наличия в составе домохозяйства детей до 18 лет (%)

<i>Форма полученных частных трансфертов</i>	<i>В составе домохозяйства...</i>	
	<i>есть семьи с детьми до 18 лет</i>	<i>нет семьи с детьми до 18 лет</i>
Материальная помощь	79,5	75,5
Приобретение вещей	50,5	32,7
Оплата лечения	15,0	21,0
Оплата дополнительного обучения	8,1	0,9
Оплата отдыха	7,3	9,4
Другая помощь	16,9	18,3

Примечания: 1) Межгрупповые различия статистически значимы на уровне $p < 0,001$ по критерию хи-квадрат (Пирсона). 2) Рассчитано автором по данным ВДН-2023.

Что касается состава доноров частных трансфертов в адрес домохозяйств с детьми, то в подавляющем большинстве случаев (97% ответов) помощь поступает от родственников, знакомых и других частных лиц. Лишь 3% от общего числа ответов свидетельствовало о получении помощи от организаций — таких как религиозные общины, благотворительные фонды, некоммерческие организации, спонсоры или работодатели.

Несмотря на то, что по данным ВДН-23 частные трансферты вносят небольшой вклад в бюджеты домохозяйств с детьми (Росстат 2023с)¹, их роль в поддержке наиболее уязвимых групп населения нельзя недооценивать. Дело в том, что оценки вклада частных трансфертов во многом зависят от методики сбора и особенностей статистического учета в конкретных

¹ По оценкам на данных ВДН-2023, приведенным на сайте самого обследования, вклад частных трансфертов в бюджеты домохозяйств с детьми в среднем составляет 3,5%, в то же время для неполных семей данный показатель достигает 12,3% (Росстат 2023б).

обследованиях и могут существенно различаться в зависимости от источника данных. Так, по оценкам на основе РМЭЗ НИУ ВШЭ, частные трансферты составляли до 24% бюджета домохозяйств-получателей (Миронова 2014). Дополнительную сложность представляют особенности сбора информации: вопросы о получении помощи от родственников могут восприниматься как сенситивные, поэтому респонденты не всегда готовы сообщать о такой поддержке. Кроме того затруднения вызывает необходимость оценивать в денежном выражении не только финансовую помощь, но и полученные товары или оплаченные услуги. Все эти факторы могут искажать оценки вклада частных трансфертов в бюджеты домохозяйств (Миронова 2015).

Связь между государственными и частными трансфертами для домохозяйств с детьми

Оценка модели для всех домохозяйств

Далее представлены результаты оценки взаимосвязи между размером получаемых частных трансфертов, объемом социальных трансфертов и уровнем дохода домохозяйства (табл. 4). Согласно полученной модели, размер социальных трансфертов отрицательно связан с размером частных трансфертов ($\beta = -0,03$; $p < 0,001$), тогда как доход домохозяйства положительно связан с объемом получаемых частных трансфертов ($\beta = 1336,07$; $p < 0,001$). Влияние интеракционного эффекта между социальными трансфертами и доходом домохозяйства также оказалось положительным ($\beta = 0,009$, $p < 0,001$). Данная модель модерации является статистически значимой ($R^2 = 0,006$, $F = 123,9$, $p < 0,001$).

Таблица 4

Взаимосвязь размера получаемых частных трансфертов, социальных трансфертов и дохода для всех домохозяйств

<i>Независимые переменные</i>	<i>Стандартизованный коэффициент (Standardized β)</i>	<i>Стандартная ошибка (SE)</i>	<i>T</i>
Размер получаемых социальных трансфертов	-0,03***	0,002	-11,29
Доход домохозяйства	1336,07***	283,4	4,71
Размер получаемых социальных трансфертов x доход домохозяйства	0,009***	0,0009	10,13

Примечание — *** $p < 0,001$.

Уровень дохода домохозяйств оказывает статистически значимое модерационное влияние на связь между объемом получаемых социальных

и частных трансфертов ($p < 0,001$, $F = 102,6$ $df=1$). Включение интеракционного эффекта привело к увеличению объясненной дисперсии размера частных трансфертов на 0,17% ($\Delta R^2 = 0,0017$).

На рис. 2 показана графическая интерпретация взаимодействия между социальными трансфертами и доходом домохозяйств при объяснении дисперсии размера получаемых частных трансфертов. Размер получаемых домохозяйством частных трансфертов отрицательно связан с размером получаемых социальных трансфертов для 1-й и 2-й доходных групп. При этом переход к более обеспеченным группам сопровождается ослаблением этой связи. В 3-й доходной группе (со средним доходом) данная зависимость начинает приобретать положительный характер. Однако для этой группы она фиксируется лишь на уровне тенденции и не достигает статистической значимости (рис. 5). В итоговую модель включены только домохозяйства из первых трех доходных групп. Для наиболее обеспеченной, 4-й доходной группы, статистически значимая связь между объемами социальных и частных трансфертов не выявлена.

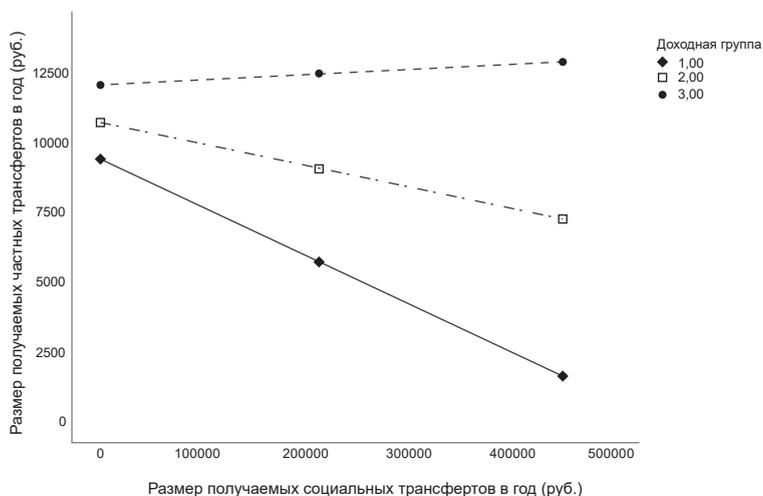

Рис. 2 Взаимодействие между размером получаемых частных и социальных трансфертов в зависимости от уровня дохода домохозяйства (для всех домохозяйств).

В табл. 5 представлены результаты оценки влияния размера получаемых социальных трансфертов на объем частных трансфертов с учетом уровня дохода домохозяйства. Согласно данным таблицы, между объемами получаемых социальных и частных трансфертов наблюдается отрицательная связь, выраженность которой зависит от уровня дохода домохозяйства. По мере роста доходной обеспеченности сила этой отрицательной связи

снижается. В самой высокодоходной группе прослеживается тенденция к смене направления связи – с отрицательной на положительную, однако данная связь не достигает уровня статистической значимости. Следовательно, размер социальных трансфертов является важным фактором, сокращающим размер получаемых частных трансфертов, при условии относительно более низкой доходной обеспеченности домохозяйства.

Таблица 5

Условный эффект социальных трансфертов на объем частных трансфертов в зависимости от доходной группы домохозяйства

<i>Доходная группа домохозяйства</i>	<i>Условный эффект предиктора (Effect)</i>	<i>Стандартная ошибка (Se)</i>	<i>T</i>
1	-0,017	0,002	-11,1***
2	-0,008	0,001	-7,9***
3	0,002	0,001	1,5

Примечание – *** $p < 0,001$.

Оценка модели для домохозяйств с детьми до 18 лет

Обратимся к результатам оценки связи между размером получаемых частных и социальных трансфертов, а также уровнем дохода домохозяйства с несовершеннолетними детьми (табл. 6). Как и в предыдущей модели, размер социальных трансфертов отрицательно связан с объемом частной помощи ($\beta = -0,02$; $p < 0,001$), в то время как доход домохозяйства положительно связан с ее объемом ($\beta = 4008,37$; $p < 0,001$). Интеракция размера получаемых социальных трансфертов и дохода домохозяйства значимо положительно связана с объемом получаемых частных трансфертов ($\beta = 0,01$, $p < 0,001$). Модель является статистически значимой ($R^2 = 0,01$, $F = 50,3$, $p < 0,001$).

Модерационный эффект уровня дохода домохозяйств с детьми оказался статистически значим ($p < 0,001$; $F = 32,4$; $df = 1$). Включение интеракционного эффекта увеличило объясненную дисперсию размера получаемых частных трансфертов на 0,23 % ($\Delta R^2 = 0,0023$).

На рис. 3 графически представлена взаимосвязь между объемами социальных и частных трансфертов в домохозяйствах с детьми в зависимости от уровня их дохода. Характер этой связи варьирует: в низкодоходных домохозяйствах объем частных трансфертов отрицательно связан с объемом социальных выплат, тогда как в семьях со средним уровнем дохода эта связь становится положительной (рис. 3). Таким образом, принадлежность к определенной доходной группе играет решающую роль в формировании направления и силы связи между частными и социальными трансфертами. Из итоговой модели исключены домохозяйства из 2-й и 4-й доходных групп,

поскольку в этих случаях статистически значимой взаимосвязи между социальными и частными трансфертами установлено не было.

Таблица 6

Взаимосвязь размера получаемых частных трансфертов, социальных трансфертов и дохода для домохозяйств с детьми

<i>Независимые переменные</i>	<i>Стандартизованный коэффициент (Standardized β)</i>	<i>Стандартная ошибка (SE)</i>	<i>T</i>
Размер получаемых социальных трансфертов	-0,02***	0,005	-4,29
Доход домохозяйства	4008,37***	761,76	5,26
Размер получаемых социальных трансфертов x доход домохозяйства	0,01***	0,003	5,69

Примечание — *** $p < 0,001$.

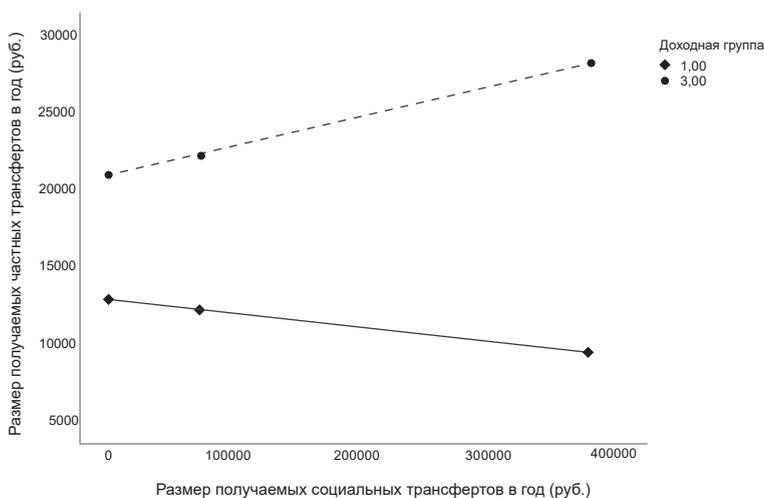

Рис. 3 Взаимодействие между размером получаемых частных и социальных трансфертов в зависимости от уровня дохода домохозяйства (для домохозяйств с детьми)

Рассмотрим результаты оценки влияния размера социальных трансфертов на объем частных трансфертов в зависимости от уровня дохода домохозяйства с детьми (табл. 7). Представленные данные подтверждают

установленную закономерность (рис. 3). Связь между размерами получаемых социальных и частных трансфертов изменяется в зависимости от доходной группы домохозяйства: для низкодоходных домохозяйств она остается отрицательной, тогда как для домохозяйств с более высоким доходом приобретает положительный характер (табл. 7). Это подтверждает наличие разного направления зависимости между частными и социальными трансфертами для домохозяйств из разных доходных групп.

Таблица 7

Условный эффект социальных трансфертов на объем частных трансфертов в зависимости от доходной группы домохозяйств с детьми

<i>Доходная группа домохозяйства</i>	<i>Условный эффект предиктора (Effect)</i>	<i>Стандартная ошибка (Se)</i>	<i>T</i>
1	-0,01	0,003	-2,8**
3	0,02	0,003	5,5***

Примечание — ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$.

Заключение

Проведенное исследование роли частных трансфертов в поддержке семей с несовершеннолетними детьми как группы с повышенным риском бедности позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, в общей структуре семейных домохозяйств прослеживается рост доли супружеских пар без детей при одновременном сокращении доли супружеских пар с детьми. В составе супружеских пар с детьми снижается доля супружеских пар с несовершеннолетними детьми. При этом изменения в распределении семей по числу детей не демонстрируют устойчивой динамики: с 1994 по 2010 гг. в составе домохозяйств с несовершеннолетними детьми наблюдается существенный рост доли домохозяйств с одним ребенком, тогда как в период с 2010 по 2015 гг., напротив, фиксируется увеличение доли супружеских пар с двумя, тремя и более несовершеннолетними детьми. Еще одной важной тенденцией в трансформации структуры семейных домохозяйств является заметное увеличение доли домохозяйств, состоящих из неполных семей.

Во-вторых, домохозяйства с детьми до 18 лет являются наиболее частыми получателями частных трансфертов среди всех выделенных типов домохозяйств. Из всех семей с несовершеннолетними детьми помощь в виде частных трансфертов чаще получают те, кто живут отдельными домохозяйствами без других родственников. Наибольшая доля получавших частные трансферты отмечается среди домохозяйств, состоящих из неполных семей,

а также супружеских пар с несовершеннолетними детьми. Реже всего частные трансферты получают домохозяйства, не имеющие в своем составе детей, что свидетельствует о том, что именно семьи с детьми выступают одними из ключевых реципиентов частных трансфертов.

В-третьих, для всех домохозяйств в целом характерна отрицательная связь между объемами получаемых частных и социальных трансфертов. Однако по мере роста дохода домохозяйства эта связь ослабевает. В домохозяйствах с несовершеннолетними детьми характер связи между размером получаемых социальных и частных трансфертов ещё в большей степени зависит от уровня дохода домохозяйства. Для домохозяйств с детьми из низкодоходной группы объем получаемых частных трансфертов снижается по мере увеличения объема получаемых социальных трансфертов, тогда как в более обеспеченных домохозяйствах наблюдается обратная тенденция: размер частных трансфертов положительно связан с объемом получаемых социальных трансфертов.

Выражение признательности

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Материалы для анализа

Росстат (2023а) *Неравенство и бедность*. Доступно по ссылке: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 7 октября 2024).

Росстат (2023б) *Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах 2023*. Доступно по ссылке: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/vndn-2019/index.html (дата обращения: 15 сентября 2024).

Росстат (2023с) *Уровень и структура денежных доходов семей с детьми в 2022 году по основным демографическим и социальным группам семей с детьми*. Доступно по ссылке: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/vndn-2023/index.html (дата обращения: 15 сентября 2024).

Указ Президента РФ (2024) *О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года*, № 309 от 07.05.2024.

Список источников

Авдеева В. П., Руппель А. Ф. (2019) Ресурсы жизнестойкости у семей и детей, получающих государственную социальную помощь. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 22 (3): 80–112.

Барсукова С. Ю. (2005) Сетевые обмены российских домохозяйств: опыт эмпирического исследования. *Социологические исследования*, (8): 34–45.

- Бобков В. (2005) Российская бедность: измерение и пути преодоления. *Общество и экономика*, (3): 19–37.
- Гришина Е. Е. (2018) Различные аспекты бедности семей с детьми. *Всероссийский экономический журнал ЭКО*, 525 (3): 7–26.
- Зверева Н. В. (2012) Оценки уровня жизни семей по данным социологических исследований. *Уровень жизни населения регионов России*, (5): 58–62.
- Калабихина И. Е. (1995) Неполные семьи: проблемы и перспективы их решения. *Семья в России*, (1–2): 166–181.
- Корчагина И. И., Прокофьева Л. М. (2021) Социальная поддержка семей с детьми в период эпидемии коронавируса и реальная нуждаемость семей. *Народонаселение*, 24 (4): 95–106.
- Корчагина И. И., Прокофьева Л. М. (2023) Незанятость родителей: одна из причин бедности в семьях с детьми. *Народонаселение*, 26 (2): 40–51.
- Кучмаева О. В., Кучмаев М. Г., Петрякова О. Л. (2012) *Взаимодействие семьи и общества: особенности и перспективы*. М.: ГАСК.
- Лежнина Ю. П. (2014) Социально-демографические особенности бедности в Российской Федерации. *Социологические исследования*, (1): 20–28.
- Малева Т. М. (ред.) (1998) *Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению: Коллективная монография*. М.: Моск. центр. Карнеги.
- Малева Т. М., Гришина Е. Е., Бурдяк А. Я. (2020) Хроническая бедность: что влияет на ее масштабы и остроту. *Вопросы экономики*, (12): 24–40.
- Миронова А. А. (2014) Родственная межпоколенная солидарность в России. *Социологические исследования*, (10): 136–142.
- Миронова А. А. (2015) Источники статистических данных о частных межпоколенных трансфертах в России: ограничения и перспективы. *Вопросы статистики*, (3): 39–46.
- Овчарова Л., Прокофьева Л. (2000) Бедность и межсемейная солидарность в России в переходный период. *Мониторинг общественного мнения*, 48 (4): 23–31.
- Овчарова Л. Н. (2008b) Новая политика поддержки семей с детьми: кардинальный прорыв или первый шаг? Мир России. *Социология. Этнология*, 17 (2): 41–69.
- Овчарова Л. Н. (2008a) Бедность и экономический рост в России. *Журнал исследований социальной политики*, 6 (4): 439–456.
- Овчарова Л. Н. (ред.) (2005) *Доходы и социальные услуги: неравенство, уязвимость, бедность*. М.: ГУ ВШЭ.
- Прокофьева Л. М., Корчагина И. И. (2020) Неполные семьи с детьми в России: масштабы распространения и материальная поддержка. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*, 9 (1): 172–179.
- Прокофьева Л. М., Миронова А. А. (2018) Семья и домохозяйство в микропереписи населения 2015 г. С. В. Захаров (ред.) *Население России 2016, Двадцать четвертый ежегодный демографический доклад*. М.: Высшая школа экономики: 88–90.

- Реутов Е., Колпина Л., Реутова М., Бояринова И. (2011) Эффективность социальных сетей в региональном сообществе. *Социологические исследования*, (1): 81–89.
- Ржаницына Л. С. (2012) *Алименты в России: анализ проблем и стратегия в интересах детей*. Проект Института экономики РАН. М.: ИЭ РАН.
- Родионова Г. А. (2000) Сельская бедность в России. *Мир России*, 9 (3): 128–136.
- Синявская О. В. (ред.) (2009) *Семья в центре социально-демографической политики?* М.: НИСП.
- Слободенюк Е. Д., Аникин В. А. (2018) Где пролегает «черта бедности» в России? *Вопросы экономики*, (1): 104–127.
- Соболева Н. Э., Пашинова Т. Р., Карабчук Т. С. (2013) Бедность домохозяйств в России: что говорят данные РМЭЗ ВШЭ. *Мир России*, 22 (1): 155–175.
- Уэллман Б. (2000) Место родственников в системе личных связей. *Социологические исследования*, (6): 78–87.
- Фролова Е. В., Рогач О. В. (2022) Институциональное доверие в российских регионах. *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, 16 (2): 49–58.
- Ярошенко С. (2010) Новая бедность в России после социализма. *Laboratorium*, (2): 221–251.
- Cordes J. J., Goldfarb R. S., Watson H. S. (1986) The Relative Efficiency of Private and Public Transfers. *Public Choice*, 49 (1): 29–45.
- Mironova A. A., Shenshina L. A. (2021) Private and Public Transfers: Substitute or Complement? *Population and Economics*, 5 (2): 1–15.
- Ovtcharova L., Popova D. (2005) *Child Poverty in Russia: Alarming Trends and Policy Options*. Moscow: UNICEF.

THE ROLE OF PRIVATE TRANSFERS IN SUPPORTING FAMILIES WITH MINOR CHILDREN AS A GROUP AT INCREASED RISK OF POVERTY

Reducing poverty is one of the most important national tasks in modern Russia. One of the key factors that determine the risk of poverty in Russia is having minor children. Households with children under the age of 18 make up the majority of those living in poverty in Russia. This study examines the characteristics of Russian households with children involved in the exchange of private transfers. In addition, the paper assesses the relationship between public and private transfers for households with children. The study was based on data from 2023 Statistical Survey of Income and Participation in Social Programs (VNDN 2023), as well as data from the All-Russian Censuses of 2010 and 2020, and the 1994 and 2015 micro-censuses of the population of Russia. The study showed that households with children under 18 are the most frequent recipients of private transfers. For low-income households, the amount of private transfers received is negatively related to the amount of social transfers received. For higher income households, however, the direction of the relationship is reversed — the amount of private transfers received is positively related to the amount of social transfers received.

Key words: poverty, families with minor children, private transfers, social transfers

Citation: Mironova A. (2025) Rol' chastnykh transfertov v podderzhke semei s nesovershennoletnimi det'mi kak gruppy s povyshennym riskom bednosti [The Role of Private Transfers in Supporting Families with Minor Children as a Group at Increased Risk of Poverty]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 23 (1): 79–98.

DOI: 10.17323/727-0634-2025-23-1-79-98

Acknowledgments

This article is the result of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

References

Avdeeva V.P., Ruppel' A.F. (2019) Resursy zhiznestojkosti u semei i detej, poluchayushchih gosudarstvennyu social'nyu pomoshch' [Resilience Resources of Families and Children Receiving State Social Assistance]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 22 (3): 80–112.

Anna Mironova — Cand. Sci. (Sociol.), Research Fellow, Centre for comprehensive social policy studies, HSE University, Moscow, Russian Federation. Email: amironova@hse.ru

- Barsukova S. Yu. (2005) Setevye obmeny rossiyskikh domokhozyaystv: opyt empiricheskogo issledovaniya [Network Exchanges of Russian Households: Experience of Empirical Research]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], (8): 34–45.
- Bobkov V. (2005) Rossijskaya bednost': izmerenie i puti preodoleniya [Russian Poverty: Measurement and Ways to Overcome It]. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economy], (3): 19–37.
- Cordes J. J., Goldfarb R. S., Watson H. S. (1986) The Relative Efficiency of Private and Public Transfers. *Public Choice*, 49 (1): 29–45.
- Frolova E. V., Rogach O. V. (2022) Institutsional'noe doverie v rossiyskikh regionakh [Institutional Trust in Russian Regions]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya* [Bulletin of Perm University. Series: Political Science], 16 (2): 49–58.
- Grishina E. E. (2018) Razlichnye aspekty bednosti semej s det'mi [Various Aspects of Poverty of Families with Children]. *Vserossijskij ekonomicheskij zhurnal EKO* [All-Russian Economic Journal ECO], 525 (3): 7–26.
- Kalabihina I. E. (1995) Nepochnye sem'i: problemy i perspektivy ih resheniya [Single-parent Families: Problems and Prospects for Their Solution]. *Sem'ya v Rossii* [Family in Russia], (1–2): 166–181.
- Korchagina I. I., Prokofieva L. M. (2021) Sotsial'naya podderzhka semej s det'mi v period epidemii koronavirusa i real'naya nuzhdaemost' semej [Social Support for Families with Children during the Coronavirus Epidemic and the Real Needs of Families]. *Narodonaselenie* [Population], 24 (4): 95–106.
- Korchagina I. I., Prokofieva L. M. (2023) Nezanyatost' roditel'ev: odna iz prichin bednosti v sem'yakh s det'mi [Unemployment of Parents: One of the Reasons for Poverty in Families with Children]. *Narodonaselenie* [Population], 26 (2): 40–51.
- Kuchmaeva O. V., Kuchmaev M. G., Petryakova O. L. (2012) Vzaimodejstvie sem'i i obshchestva: osobennosti i perspektivy [Interaction between Family and Society: Features and Prospects]. Moscow: GASK.
- Lezhnina Y. P. (2014) Social'no-demograficheskie osobennosti bednosti v Rossijskoj Federacii [Socio-demographic Features of Poverty in the Russian Federation]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], (1): 20–28.
- Maleva T. M., Grishina E. E., Burdyak A. Ya. (2020) Khronicheskaya bednost': chto vliyaet na ee masshtaby i ostrotu. [Chronic Poverty: What Influences Its Scale and Severity]. *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economics], (12): 24–40.
- Maleva T. M. (1998) *Bednost': al'ternativnye podhody k opredeleniyu i izmereniyu: Kollektivnaya monografiya* [Poverty: Alternative Approaches to Definition and Measurement: A Collective Monograph]. Moscow: Mosk. centr. Karnegi.
- Mironova A. A. (2014) Rodstvennaya mezhpokolennaya solidarnost' v Rossii [Kinship Intergenerational Solidarity in Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]; (10): 136–142.
- Mironova A. A. (2015) Istochniki statisticheskikh dannyx o chastnykh mezhpokolennykh transfertakh v Rossii: ogranicheniya i perspektivy [Sources of Statistical Data on Private Intergenerational Transfers in Russia: Limitations and Prospects]. *Voprosy statistiki* [Questions of Statistics], (3): 39–46.
- Mironova A. A., Shenshina L. A. (2021) Private and Public Transfers: Substitute or Complement? *Population and Economics*, 5 (2): 1–15.
- Ovcharova L., Prokof'eva L. (2000) Bednost' i mezhsemejnaya solidarnost' v Rossii v perekhodnyj period [Poverty and Interfamily Solidarity in Russia during the Transition Period]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [Monitoring Public Opinion], 48 (4): 23–31.
- Ovcharova L. N. (2008a) Bednost' i ekonomicheskij rost v Rossii [Poverty and Economic Growth in Russia]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 6 (4): 439–456.

- Ovcharova L. N. (2008b) Novaya politika podderzhki semej s det'mi: kardinal'nyj proryv ili pervyj shag? [New Policy to Support Families with Children: A Radical Breakthrough or a First Step?]. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [The World of Russia. Sociology. Ethnology], 17 (2):41–69.
- Ovcharova L. N. (ed.) (2005) *Dohody i social'nye uslugi: neravenstvo, uyazvimost', bednost'* [Income and Social Services: Inequality, Vulnerability, Poverty]. Moscow: HSE University.
- Ovtcharova L., Popova D. (2005) *Child Poverty in Russia: Alarming Trends and Policy Options*. Moscow: UNICEF.
- Prokof'eva L.M., Korchagina I. I. (2020) Nepolnye sem'i s det'mi v Rossii: masshtaby rasprostraneniya i material'naya podderzhka [Single-parent Families with Children in Russia: Scale of Distribution and Financial Support]. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 9 (1): 172–179.
- Prokof'eva L.M., Mironova A. A. (2018) Sem'ya i domochozjajstvo v mikroperepisi naseleniya 2015 g. [Family and Household in the 2015 Micro Population Census]. In: S. V. Zaharov (ed.) *Naselenie Rossii 2016. Dvadcat' chetvertyj ezhegodnyj demograficheskij doklad* [Population of Russia 2016, Twenty-fourth Annual Demographic Report]. Moscow: HSE University: 88–90.
- Reutov E., Kolpina L., Reutova M., Boyarinova I. (2011) Effektivnost' social'nyh setej v regional'nom soobshchestve [The Effectiveness of Social Networks in the Regional Community]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], (1): 81–89.
- Rodionova G. A. (2000) Sel'skaya bednost' v Rossii [Rural Poverty in Russia]. *Mir Rossii* [The World of Russia], 9 (3): 128–136.
- Rzhanicyna L. S. (2012) *Alimenty v Rossii: analiz problem i strategiya v interesah detej. Proekt Instituta ekonomiki RAN* [Alimony in Russia: Analysis of Problems and Strategy in the Interests of Children. Project of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: IE RAN.
- Sinyavskaya O. V. (ed.) (2009) *Sem'ya v centre social'no-demograficheskoy politiki?* [Family at the Center of Socio-Demographic Policy?]. Moscow: NISP.
- Slobodenyuk E. D., Anikin V. A. (2018) Gde prolegaet 'cherta bednosti' v Rossii? [Where is the Poverty Line in Russia?]. *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues], (1): 104–127.
- Soboleva N. E., Pashinova T. R., Karabchuk T. S. (2013) Bednost' domochozjajstv v Rossii: chto govoryat dannye RMEZ VSHE [Household Poverty in Russia: what the HSE RLMS Data Say]. *Mir Rossii* [The World of Russia], 22 (1): 155–175.
- Uellman B. (2000) Mesto rodstvennikov v sisteme lichnykh svyazey [The Place of Relatives in the System of Personal Ties]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], (6): 78–87.
- Yaroshenko S. (2010) Novaya bednost' v Rossii posle socializma ['New' Poverty in Russia after Socialism]. *Laboratorium*, (2): 221–251.
- Zvereva N. V. (2012) Otsenki urovnya zhizni semej po dannym sotsiologicheskikh issledovaniy [Assessment of the Standard of Living of Families Based on Sociological Research]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Standard of Living of the Population of the Regions of Russia], (5): 58–62.